

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2020.89.52.038

Экономика как продукт развития социально-культурной сферы общества

Хамчиев Саид Даудович

Бакалавр,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115093, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: said.xamchiev@mail.ru

Аннотация

Если культурные и экономические явления, протекающие в историческом времени, то должен существовать алгоритм, который объяснял бы причинно-следственные связи подобных интерпретаций культуры и экономики. Такой алгоритм предложил П. Сорокин в своей концепции социокультурных флуктуаций. Волна социокультурной динамики включает в себя двухфазовый цикл идейной и чувственной культуры, организационный паттерн каждой из которых поочередно доминирует, определяя ценности и нарративы социального бытия, и служит основным источником атрактивности цели экономических процессов. По мнению П. Сорокина, каждая интегрированная система культуры включает два измерения: внутренний и внешний. Внутренняя сфера – это архетипы, образы, идеи, а также «упорядоченные системы мышления, созданные особенностями внутреннего опыта», и выражены как смыслы, ценности и когнитивные ресурсы. Эту внутреннюю сферу П. Сорокин называет «культурной ментальности».

Для цитирования в научных исследованиях

Хамчиев С.Д. Экономика как продукт развития социально-культурной сферы общества // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 4А. С. 311-317. DOI: 10.34670/AR.2020.89.52.038

Ключевые слова

Объекты, чувственное восприятие, события, процессы, внутренний опыт.

Введение

Согласно самому общему определению, внешняя сфера социально-экономической системы – это совокупность «неорганических и органических объектов чувственного восприятия: предметов, событий, процессов, в которых воплощается, организуется и реализуется внутренний опыт». И именно «внутренняя сторона культуры руководит внешней». Из этого следует важный вывод, противоположный мейнстримовских интерпретаций культуры как экзогенного среды непредвиденных экстерналии и тормозных тенденций для экономического развития, – культура является имплицитной сущности экономической системы, которая не только стимулирует или ограничивает выбор и предопределяет отклонение от модели. Культура вообще делает экономику, предоставляя шкалу координат систем смыслов, на основе которых социумы и индивиды в них себя интерпретируют и интегрируются. Действие вытекает из контекста праксеологического паттерна даже если она инновационная. Ведь любое действие основывается на паутине смыслов, на символике текстов, распакованных фильтром сознания архетипов бытия народа, что предопределяет его историческую идентичность. А культура – это и есть и паутина смыслов, значений и текстов, что предопределяет каждое локально интерпретированное бытие, каждое экзистующее присутствие проявленного существования референтности бытия и сущего. А следовательно, смыслы интерпретации экономической деятельности, предстают в формах экономических структур производства, обмена и распределения, – это культурные явления (чего видимо никогда не поймет мейнстрим).

Основная часть

П. Сорокин выделяет две чистых формы культуры: чувственную и идеационную. Гетерогенность опыта предопределяет множественность способов мировосприятия. Там, где культурная ментальность формируется под влиянием развития адаптационных способностей к внешним вызовам как раздражителей нервной системы, возникают нарративы чувственной культуры и соответствующие им поведенческие паттерны. Там, где культурная ментальность трактует видимый мир необходимые дискреты, скрывающие высшую, истинную реальность, объясняющую все земное и временное, предстает идеационная нарративная культурная ментальность и соответствующие ей поведенческие паттерны.

О. Шпенглер определяет, как "денежный образ мышления" – "фаустовскую силу", ориентированную на производство единого окончательного товара-самих денег. Критерием социального статуса человека выступает величина его дохода. П. Сорокин отмечал, что «в такой культуре стремление к наживе становится основным мотивом любой деятельности», а материальное богатство становится «стандартом наивысшей оценки ценностей», что влияет на характер «научных, художественных, моральных и других ценностей». Богачи – это единая аристократия общества чувственной культуры, а умение делать деньги – залог лидерства и пропуск в элиту правящего класса.

«Денежный образ мышления» как аксиологическая основу чувственной культурной ментальности В. Шпенглер выводит исторически еще с периода Античности, точнее, со времени развития античных городов-полисов как основных очагов общественной жизни. В античной экономике формируется привычная сегодня триада субъективации и объективации паттерна экономической власти, включающая: продуктивную, перерабатывающую и посредническую сущностные составляющие. Продуктивный «вид жизни» обеспечивает крестьянство, адаптацию

неживого и косного вещества природы обеспечивает ремесленничество. Однако существует третий посредническо-торговый сущностный субъект экономики, который, по мнению О. Шпенглера, есть «изящным паразитом», что «питается от другой жизни». Будучи посредником, он практикует только одну ценность как ресурс своей жизни – абстрактное оценивания всего, что видит в меновом эквиваленте любой ценности в «образе денежной купюры». О. Шпенглер писал: "с развитием денежного обращения между производителем и потребителем... появляется третья сторона, чье мышление опосредует собой всю деловую жизнь. Она заставляет производителя заботиться о предложении, а потребителю навязывает спрос, она возвеличивает посредничество до уровня монополии и ключевого игрока экономической жизни. В конце концов посредник подчиняет своим интересам и производителей, и потребителей... первых – производить те товары, которые он считает целесообразными, а вторых – покупать то, что он им навязывает».

О. Шпенглер метко заметил параллелизм культурных паттернов. Античности и современности начала XX века, сходство принципов организации общественной жизни и особенностей мировосприятия, что было нетипично для Средневековья. Здесь замечено закономерности фазовых переходов цикла социокультурной динамики, где Античность – это прошлый период доминирования чувственной культуры, а Средневековье – прошлый период идейной. Со времени итальянского Возрождения и до наших дней начала XXI в. продолжается очередной цикл чувственной культуры. Ж. Делюмо отмечал, что период между XIII и XVIII в. характеризовался особыми тенденциями, которые не прослеживались ранее. Это, прежде всего, углубление невиданного имущественного неравенства между классами. Изменилось лицо элиты, «нувориши спешили стать дворянами», модифицируя организационный паттерн власти с архетипа рыцаря в архетип богача. А также «яркой чертой Возрождения становится особый интерес к механизации», что имело место ранее в таких масштабах только в период Античности, ибо в Средневековье лишь локально применялись технологические знания, например при строительстве соборов. Именно с эпохи Возрождения «достижения технического прогресса» стали условием «материального комфорта», который становится основным показателем «роста радости жизни».

Мы можем проследить историческое развертывание современного цикла чувственной культуры:

- 1) интеллектуальная бифуркация через инновационное изобретательство (или совершенствование предложенного Античностью) в эпоху итальянского Возрождения;
- 2) обоснование целесообразности рациональной практической деятельности в ее метафизическом легитимизации немецкой Реформацией;
- 3) предоставление гуманистической направленности механистическом миропониманию французским Просвещением;
- 4) окончательное оформление паттерна экономики как синонима общества английской Промышленной революцией.

Дискретный принцип социокультурной динамики, что обуславливает соответствующий аттрактивным паттерн экономической действительности и проходит в соответствующих фазах своего становления и качественных модификаций, проявляется через соответствующий механизм смены доминирующих типов культуры, а, следовательно, способов организации хозяйствования. Этот механизм должен быть отражен алгоритмом диффузии аттрактивного импульса под влиянием энтропийных процессов с последующим бифуркационным замещением альтернативным парадигмальным проектом биполярного типа культуры. Об этом – в

следующем параграфе.

Флуктуация (от лат. fluctuation - колебание) – случайные отклонения значений произвольной величины от ее среднего значения. Случайные флуктуации частиц осуществляют прорыв равновесия определенного континуума, что сопровождается появлением энергетического потенциала и когерентную активностью определенной совокупности элементов, которые синергически образуют новую целостность, появление новой системы.

В этом определении нас заинтересовало мнение о том, действительно ли флуктуации всегда носят случайный, спонтанный характер. Спонтанными А. Свидзинский определял процессы, которые «не имеют источника», поэтому «самоорганизация никогда не бывает спонтанной», а лишь стихийной, не детерминированной, где переход к новому происходит через состояния неустойчивости, в которых уравнение эволюции прекращают свое действие. Но стихийный не означает беспричинный – утверждает А. Свидзинский. Между каждой причиной и каждым следствием действуют контуры ограничительных обратных связей, которые стимулируют или гомеостаз, или бифуркации. Последняя – это «ситуация выбора», или, как писал Х. Ортега-и-Гасет, роковое принуждение пользоваться свободой, где свобода – это не просто осознанная необходимость одного-единственного акта выбора среди потенциальной совокупности перспектив, и при этом, по П. Сорокиным, обязательно совокупность возможностей должно быть больше совокупность потребностей. Свобода, по определению С. Левицкого, – это такое отношение субъекта к своим актам, когда эти акты определяются в качестве решающей причины самим субъектом. Поскольку свобода предопределяет актуализацию бытия в модусах субстанции, она предшествует бытию.

Итак, механизм изменения качественных состояний актуальных модальностей социально-экономических систем связан со свободой, через которую сущее совершается в бытии как дискрет. Но что трактует экзистирующий субъект как субстанциональный деятель причинностью актов своей воли? Трактует существующее несоответствие между желаемым и действительным, возможным и реальным на основе собственного понимания совершенного в истине и справедливого в добре, то есть, руководствуясь аксиологическими нарративами. А это значит, что каждый праксеологический чин конституирован ценностно, каждый поведенческий паттерн обусловлен атрактивно, потому что аттрактор – это система ноуменального порядка для определенности актов бытия в паттернальных практиках.

Механизм социокультурных флуктуаций, в частности в экономике, связанный с явлениями «царства количества» и «знамениями времени», известными как паттернальные проекты и парадигмальные проекты. К. Кантор отмечает, что все формы сознания людей проективны, воспроизводя соответствующие парадигмы в паттернальных практиках. Парадигма – это онтологический проект, задающий импульс развертывания эквифинальных процессов универсальной эволюции в режимах качественных модификаций количественных актуализаций. Зато паттерн – это проект, обеспечивающий воспроизведение системы по признакам наследственности, резистентности, стабильности и отбора в режиме мультифинального сходства качественных модификаций количественных актуализаций экономического бытия. Паттерн тоже есть онтологический проект, потому подлежит осмыслению когнитивными ресурсами человека и в итоге может привести к формированию альтернативного парадигмального проекта, дальнейшая трансформация которого в проект паттернальный является сутью развития. Паттернальная практика предусматривает технико-экономический способ актуализации паттернального проекта в пределах его дискретности, где хранится релевантная ценности относительно бытия как синтеза сущего в модусах субстанции.

В паттернах бытие является становлением. Движение становления является поступательным процессом взаимопроникновения субстанционального и субъектного содержаний в предметной деятельности в режиме субъект-субъектных отношений. В относительном движении становление социумное измерение подчиняет деятельность человека логике целесообразной дискретности, соответствующей целям паттернальной репродуктивности, и тем задает параметры границ самотрансцендирования. Поэтому «социум – это место ограниченной свободы». Для творческого человека становится насущным преодоления ограничений социокультурного паттерна для того, чтобы осуществить онтологический смысл виртуальных возможностей собственного инновационного проекта, интегрально проявив меру своего присутствия в кумулятивном процессе сублимации: мысль → действие → вещь → мнение. Но ограничение именно какого паттерна следует преодолеть усилиями инновационного творчества? Понятно, что это может быть лишь энтропийный паттерн, дублирующий пустоту обесцененного бытия, то есть – симулякр.

Заключение

Социокультурная динамика экономических систем – это процессы циклические и дискретные. Энергетический импульс идеи нового порядка в процессе трансформации из парадигмального проекта в паттернальный и в дальнейшем, воспроизводясь в паттернальных практиках, подвергается диссипации в неотвратимых процессах становления гомеостаза как цели. Бифуркация – это становление паттерна системы на основе парадигмального проекта, где ценностные интерпретации атрактивно интегрируют идентичности, выступая альтернативой существующей формы порядка, которая в режиме своего приобретенного гомеостаза перестала выполнять функцию трансформации ценности в бытие, используя взамен экстрактивные институты и легитимно понуждаемые способы распределения стоимости и присвоение ренты в модели оптимума Парето: монополии креольских элит, классовой эксплуатации, приоритетности и финансово-спекулятивного капитала над производительным, распространение рынков асимметричной информации, nudging-технологий, создания анклавов-гетто обществ массового потребления в высокоразвитых странах Запада за счет «ресурсных проклятий» остального мира на основе фритредерского нарратива «сравнительных преимуществ» и тому подобное.

Библиография

1. Mises L. (1993), *Bureaucracy. Planned Chaos. Anti-capitalist mentality.*
2. Mittelstaedt, J., W.E. Kilbourne, and R.A. Mittelstaedt. 2006. *Macromarketing as agorology: Macromarketing theory and the study of the agora.* *Journal of Macromarketing* 26:131-42.
3. Mokyr, J. 2002. *The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy.* Princeton: Princeton University Press.
4. North, D.C. 1990. *Institutions, institutional change, and economic performance.* Cambridge: Cambridge University Press.
5. Oldenburg, R. 2001. *Celebrating the third place.* New York: Marlowe and Company.
6. Osadchaya I. O. (1991), *On the civilizational approach to the analysis of capitalism,* *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 5.
7. Pagano, U. and R. Rowthorn, 1997, 'Selezione di Mercato e Democrazia Economica', in B. Jossa and U. Pagano (eds.), *Economie di Mercato ed Efficienza dei Diritti di Proprietà*, Turin: Giappichelli Editore, pp. 31–65.
8. Pejovich, S., 1996, 'The Market for Institutions v. the-Strong-Hand-of-the-State: The Case of Eastern Europe', in B. Dallago, L. Mittone (1996), pp. 111–125.
9. Pejovich, S., 1998, *Economic Analysis of Institutions and Systems*, Revised Second Edition, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

10. Schumpeter, J.S. 1934. The theory of economic development. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Semenov A.V. (2001), Economy and society: processes of modernization and transformation (theory questions), Narodny uchitel, Moscow, 281 p. (rus).
12. Shultz, C.J. II T.J. Burkink , B. Grabac , and N. Renko. 2005. When policies and marketing systems explode: An assessment of food marketing in the war-ravaged Balkans and implications for recovery, sustainable peace, and prosperity. Journal of Public Policy & Marketing 24:24-37.
13. Yang, X. 2001. New classical versus neoclassical frameworks. Malden: Blackwell Publishers.
14. Young, A. 1928. Increasing returns and economic progress. Economic Journal 38:527-42.
15. Zaitsev Yu.K. (2012), Modern approaches in methodology knowledge of patterns and trends of economic systems, in: Scientific notes of National Economic University, № 14, Part 2, pp. 3-13.

Economy as a product of development of social and cultural sphere of society

Said D. Khamchiev

Bachelor,
Plekhanov Russian University of Economics,
115093, 36, Stremyanniy lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: said.xamchiev@mail.ru

Abstract

If cultural and economic phenomena occur in historical time, then there must be an algorithm that would explain the cause-and-effect relationships of such interpretations of culture and Economics. This algorithm was proposed by P. Sorokin in his concept of socio-cultural fluctuations. The wave of socio-cultural dynamics includes a two-phase cycle of ideological and sensuous culture, the organizational pattern of each of which alternately dominates, defining the values and narratives of social life, and serves as the main source of attractive goals of economic processes. According to P. Sorokina, each integrated culture system includes two dimensions: internal and external. The inner sphere is archetypes, images, ideas, and "ordered systems of thought created by the features of inner experience", and is expressed as meanings, values, and cognitive resources. P. Sorokin calls this inner sphere "cultural mentality".

For citation

Khamchiev S.D. (2020) Ekonomika kak produkt razvitiya sotsial'no-kul'turnoi sfery obshchestva [Economy as a product of development of social and cultural sphere of society]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (4A), pp. 311-317. DOI: 10.34670/AR.2020.89.52.038

Keywords

Objects, sensory perception, events, processes, inner experience.

References

1. Mises L. (1993), Bureaucracy. Planned Chaos. Anti-capitalist mentality.
2. Mittelstaedt, J. , W.E. Kilbourne , and R.A. Mittelstaedt . 2006. Macromarketing as agorology: Macromarketing theory and the study of the agora. Journal of Macromarketing 26:131-42.
3. Mokyr, J. 2002. The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy. Princeton: Princeton University Press.
4. North, D.C. 1990. Institutions, institutional change, and economic performance . Cambridge: Cambridge University

Press.

5. Oldenburg, R. 2001. *Celebrating the third place*. New York : Marlowe and Company.
6. Osadchaya I. O. (1991), On the civilizational approach to the analysis of capitalism, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 5.
7. Pagano, U. and R. Rowthorn, 1997, 'Selezione di Mercato e Democrazia Economica', in B. Jossa and U. Pagano (eds.), *Economie di Mercato ed Efficienza dei Diritti di Proprietà*, Turin: Giappichelli Editore, pp. 31–65.
8. Pejovich, S., 1996, 'The Market for Institutions v. the-Strong-Hand-of-the-State: The Case of Eastern Europe', in B. Dallago, L. Mittone (1996), pp. 111–125.
9. Pejovich, S., 1998, *Economic Analysis of Institutions and Systems*, Revised Second Edition, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
10. Schumpeter, J.S. 1934. *The theory of economic development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Semenov A.V. (2001), *Economy and society: processes of modernization and transformation (theory questions)*, Narodny uchitel, Moscow, 281 p. (rus).
12. Shultz, C.J. II T.J. Burkink , B. Grabac , and N. Renko. 2005. When policies and marketing systems explode: An assessment of food marketing in the war-ravaged Balkans and implications for recovery, sustainable peace, and prosperity. *Journal of Public Policy & Marketing* 24:24-37.
13. Yang, X. 2001. *New classical versus neoclassical frameworks*. Malden: Blackwell Publishers.
14. Young, A. 1928. Increasing returns and economic progress. *Economic Journal* 38:527-42.
15. Zaitsev Yu.K. (2012), Modern approaches in methodology knowledge of patterns and trends of economic systems, in: *Scientific notes of National Economic University*, № 14, Part 2, pp. 3-13.